

Солдат Великой Отечественной

Иван Степанович Толкачев храбро сражался с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны. В августе 1942 года на ржевском направлении он, сержант в то время, обеспечивал связью артиллерийский полк. Связь пропала. «Наверное, снаряд перебил провод», — и сержант Толкачев побежал вдоль линии связи. И на месте обрыва разрывная пуля свалила его.

После госпиталя он воевал в 51-й армии, которой командовал боевой генерал И. Х. Баграмян. Закончил краткосрочные курсы. В звании младшего лейтенанта командовал взводом разведки, не раз брал «языка». Под Кенигсбергом в конце войны — тяжело ранен в обе ноги.

Иван Степанович, инвалид войны, награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и медалями. Живет в Малом Мурашкине, привечает внуков, имеет небольшую пасеку и как-то умудряется содержать в образцовом порядке свое хозяйство. Ведь у него нет ноги и вторая изранена.

Фото В. Иванова.

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Великий английский драматург Шекспир с потрясающей трагичностью описал судьбу двух молодых людей. Ромео и Джульетта не могли победить предрассудки средневековья и пали жертвой собственной любви.

Умереть за любовь без борьбы, конечно, проще. Победить ради любви, ради жизни на земле труднее. Так считают Иван и Капитолина Толкачевы из Малого Мурашкина. И повесть о их жизни не менее трагична, чем повесть о Ромео и Джульетте. Но они с честью вышли из всех тяжких испытаний, выпавших на их долю.

ИВАН

Славилась семья Степана Толкачева в Малом Мурашкине. Сыновья росли один другого краше: крепкие, кудрявые, работающие. И некоторые сельские девушки, растревоженные первой любовью, тайком вздыхали, проходя мимо дома Толкачевых.

Старший Иван не замечал пристальных взглядов, случайных встреч. Он с вечера часами просиживал на завалинке дома, где жила Капа Огурцова. Ему казалось, что лучше ее нет никого на свете. Но при встрече с девушкой терялся. И даже в грозном 1941 году, когда он уходил на

фронт, не удалось ему сказать Капе свое заветное слово.

А война гремела на всей европейской части страны. Иван Толкачев в жестоких боях защищал Москву. А в августе 1942 года сражался за ржевский выступ, который опасно нависал над нашей обороной на центральном направлении. Он уже был сержантом взвода управления артиллерийского полка, куда входили связисты и разведчики. Зачастую сам с катушкой провода за плечами тянул линию, иногда по самым непроходимым местам. И не случайно в те времена сложили про связистов песню:

Там, где пехота
не пройдет,

Где не протащит трактор
пушку,
Угрюмый танк
не проползет,
Там пронесет связист
катушку.

20 августа во время артиллерийского обстрела пропала связь между батареями и наблюдательным пунктом. Иван побежал вдоль линии искать обрыв. То в одном, то в другом месте падали снаряды, вздымая фонтаны земли. А вот и конец провода. Как и предполагал Иван, случайный снаряд разорвал линию. И в это время словно топором ударило. Разрывная пуля раскромсала ягодицу. Истекая кровью, Иван уполз под танк, что стоял

подбитый, и тут пролежал почти сутки, пока его не обнаружили связисты из его взвода. Он был, как уголь, черный: много потерял крови.

Восемь месяцев пролежал в госпитале в городе Иваново. Выздоровел. И снова на фронт. Воевал в 51-й армии, которой командовал боевой генерал Иван Христофорович Баграмян, впоследствии командующий войсками первого Прибалтийского фронта.

В городе Приекуле в Латвии Ивана Степановича направили на краткосрочные курсы офицеров. «Да какой я офицер, — отказывался Толкачев, — у меня даже среднего образования нет».

— Зато опыт войны есть, — возразил ему командир полка. — Надо, Иван, офицеров не хватает.

И вот гвардии младший лейтенант Иван Толкачев принял взвод разведки. И вскоре задание — взять «языка». Шесть человек

пошли с командиром взвода. Ночью незаметно поползли к окопам фашистов. Бросили гранату, внезапно навалились на позиции врага, схватили немца и быстро в суматохе уволокли. «Язык» оказался стоящий. Командование сердечно благодарило разведчиков. У Ивана Степановича рядом с медалью «За боевые заслуги» на груди засверкал орден Отечественной войны второй степени.

Покатилась война дальше на Запад, все ближе к фашистскому логову. И шел туда со своим взводом разведчик Толкачев. В ожесточенных боях под Кенинсбергом его ранило в обе ноги.

Сначала попал в прифронтовой госпиталь в городе Митава (теперь Елгава Латвийской ССР). Началась гангрена. Хирург вынужден был ампутиро-

вать одну ногу выше колена. И вторая израненная, почти безжизненная. Из госпиталя в городе Казани он писал на родину: «Если Капа мне пришлет письмо, то я приеду домой. А если не пришлет, меня не ждите». Это было уже в самом конце войны.

КАПИТОЛИНА

Капа места себе не находила. Подруги убеждали: побереги себя. Ты вон какая славная, а он инвалид. Всю жизнь будешь ему нянькой. По тебе же парни сохнут.

И дома, и на тяжелой работе в поле (она была трактористкой) думы не покидали ее. А чем он виноват? Ведь он защищал меня, Родину. И Капа письмо написала. Она, испытыва-

ИВАН И

КАПИТОЛИНА

шая все тяготы военного тыла, понимала душевные муки солдата.

Когда началась война, мужчины—трактористы ушли на фронт. Надо было их кем-то заменить. Пришел к Огурцовым председатель колхоза Федор Васильевич Жигалов: «Кап, на курсы трактористок набирают. Может, поведешь?»

— Технику я с детства любила, — рассказывает Капитолина Васильевна. — Как мальчишка была. Бывало привезут сложную молотилку. В обед все идут отдыхать, а я кручусь возле машиниста Ивана Васильевича Баткова: «дядя Вань, дай я тебе помогу?» Он даст мне масленку, и я лажу по молотилке, смазываю.

Выслушала Капа председателя и согласилась: «Я, дядя Федя, девчонок обещаю. Одной скучно будет». Обещала всех подружек.

Пообещалась ехать на курсы Зоя Куклева.

Училась с большим желанием, в основном на пятёрки. Петр Иванович Половинкин, начальник курсов, обычно хитрил: «Ну-ка, Капа, расскажи устройство магнето». И Капа рассказывала, потому что не все быстро схватывали объяснение даже такого опытного преподавателя как Петр Иванович. А ее простой рассказ запоминали сразу.

После курсов Капу направили в бригаду Николая Ивановича Менькова.

— Работали, не считаясь со временем, — вспоминает Капитолина Васильевна. — В бригаде прицепщиками были два мальчишки: Женя Степанов и Вася Шипков. Обоим было по 17 лет. Осенью их в армию взяли. И остался в бригаде один Николай Иванович. И его потом забрали в МТС на

ремонт техники. Остались одни девчонки.

Ой, как трудно было. Тракторы с железными колесами без кабинки. То и дело ломались. Изломается коробка передач, а в ней пять пудов. Мы, девчонки, такую тяжесть снимали и снова ставили. Коленвал на себе в МТС таскали. А в нем два пуда.

Часто бабитовые подшипники плавилась. Ставишь их после ремонта и думаешь, как бы не перетянуть. Сильно затянешь — не хватает сил провернуть ручкой двигатель. Не затянешь — подшипники стучат.

Работали в две смены. Ночью — с керосиновым фонарем. Тракторы зимой ремонтировали под открытым небом. Тогда мастерской не было. Никто не жаловался на трудности. Все понимали: идет война народная. Фронту нужен хлеб.

Суровый для страны был 1942 год. Советские люди напрягали все силы, чтобы разгромить фашистов на Волге. За тот год Капу и ее подругу Зою наградили знаком «Отличник сельского хозяйства».

Все военные годы девицкий тракторный отряд был передовым. Это подтвердит каждый, кто знает Капитолину Васильевну.

В 1946 году возвратился домой Иван. Он в первый же день почти всю ночь просидел на завалинке Капиного дома с костылями в руках. И так каждый вечер ждал. И все-таки дождался. Она оценила любовь и упорство солдата, беспомощного, но сильного духом, ради нее готового отдать жизнь.

КАПИТОЛИНА И ИВАН

Иван стал фуражиром, отпускал корма для скота.

Капа трактор сдала: пришли с фронта механизаторы. Работала она в полеводстве, на ферме, в общем всегда работала. Накопили немного денег, стали строить дом свой, чтобы растить в нем детей. Вот тут-то и выявилось их гражданское мужество. Иван — инвалид. У него только одни руки. Вся тяжелая работа легла на плечи Капы. Сколько она перетаскала на своих плечах мешков, бревен, кирпичей.

Триста мешков картошки накапывали на своем усаде. Капа мешки таскает в подполье: слезы у нее на глазах. Иван на костылях стоит. У него тоже слезы. Если бы ему ноги, да разве бы он позволил так надрываться Капе! Нелегко доставались деньги на дом.

Иван подделает себе леса из досок и сам кладет стены дома, сам настлал полы, сделал потолок. Все сам. Глядела на него Капитолина и дивилась: как он мог? Жалость к нему и гордость за него переполняла ее.

В Малом Мурашкине дом

Толкачевых, пожалуй, самый лучший. Дом богат не только углами, но и пирогами. Капитолина Васильевна — хозяйка отличная. Ее пироги самые пышные, в доме чистота идеальная.

Двух дочерей вырастили Толкачевы. Обе они уважаемые в райцентре люди. И такие же домовитые, как их родители. Пошли внучата. В выходные дни радость царит в доме, когда приезжают внуки.

Уедут. Капитолина Васильевна в свободную минуту берет в руки книгу. Она всю жизнь дружит с книгами. «Они мне советчики в горести и в тоске, в радости и в деле», — говорит она.

— Да, Капа любит книги, — подтверждает Иван Степанович. — А я? Что я без Капы. Спасибо Капе. Спасибо Советской власти за пенсию и подмогу. Напишите обязательно: Советская власть, наше государство помогли нам.

И. КУДРЯШОВ.